

Когда закончилась так сказать „официальная“ часть праздника, казаки запели. Песни были спеты мастерски.

Уральцы живут вместе, занимая целый отель, имеют общую кухню, что, конечно, дает возможность питаться по вкусу, по-казачьи, к тому же артельное довольствие обходится много дешевле. Способ артельного довольствия возможен только в том случае, если люди спаяны между собою. Безусловно такая спайка среди уральцев есть. Это бросается в глаза, как только проведешь в обществе уральцев 2—3 часа.

Благодаря заботам г-на Панченко, которому хутор поручил устройство праздника, стол был сервирован богато, почти по „буржуазному“.

Около 11 часов вечера прибыл, командированный терским казачьим объединением, полковник И. А. Морозов, который приветствовал уральцев от имени терцев, проживающих в Париже. В своей короткой, но сильно сказанной речи, он указал на тот тернистый путь, которым шло и идет Уральское Войско, во имя своих вольностей и бытовых традиций; далее указал, что терцы и уральцы связаны исторически очень близко и что страдания уральцев переживаются терцами не в меньшей мере, чем и другими казаками.

Больно стало за то, что ни Донцы, ни Кубанцы не нашли возможности прислать человека, приветствовать своих собратьев, ветеранов среди большого города...

Занимаются уральцы тем же, чем и другие, т. е. работами на фабриках и заводах. Есть несколько человек семейных. Казачки — больше славянки: польки, чешки, украинки; но есть одна казачка, прибывшая с Урала, вместе с казаками. Ей, конечно, много пришлось пережить трудностей во время отступления. Если говорит она, для мужчины отступление из родного края было делом нелегким, то каково же женщине?

Но вот ужин кончился, столы убрали и на страде появились музыканты, да еще „зелых пять человек“. Оказывается, что это хуторской оркестр. Едва музыканты успели сыграть два три аккорда, как в кихре казачка понеслись казаки, сверкая лампасами. Я забыл упомянуть, что некоторые казаки были одеты по-казачьи.

Говорил с несколькими казаками, все высказывают надежду, что вернутся на свой вольный Яик, и будут жить вольными казаками. Часто в разговоре проскальзывает нотка вполне резонной обиды, что Уральцев как то все забыли.

Интерес к казачьей литературе большой, но доставляют они ее мало.

Было ровно 12 часов ночи, когда я покинул гостеприимных уральцев и последним трамваем уехал в Париж.

II. В Монтаржи.

В двух — двух с половиной часах езды от Парижа на равнинах Луары расположен очень хороший городок Монтаржи. Больших фабрик и заводов там, за исключением каучуковой фабрики, нет. Не смотря на это, там живут вполне „оседло“ до 150 казаков Кубанцев и Донцов. Жизнь казаков в этом городке, почти ни чем не отличается, как заводских рабочих от жизни в других фабричных центрах. Так же, как и в других местах, встают в 6 часов утра и до 6 часов вечера проводят время за работой на заводе. Полтора часа на обед, конечно, проходят незаметно, а поэтому и можно сказать, что бидолага бьется от зари до зари. Есть несколько человек, которые работают у частных предпринимателей, но таких мало, большинство же на фабрике, т. е. последняя считается более верным делом. В среднем каждый казак зарабатывает франков 700. Этой суммы достаточно на жизнь.

Но Монтаржи не похоже на другие города и вот почему: район этого города славится хорошей землей и сельское хозяйство здесь стоит на должной высоте. В сезонное время, когда начинается уборка хлеба и кормовой свеклы, казаку, привыкшему к земле — кормилце, трудно удержаться, чтобы не принять участие в уборке хлеба и других сельско-хозяйственных продуктов, которыми хлебопашец в этих краях справедливо награждается за свой труд. Тогда казак берет на

заводе отпуск и уходит работать „на молотилку“. Сезон таких работ продолжается 2—3 месяца.

Мне пришлось разговаривать с одним таким казаком, который за пять лет пребывания во Франции не пропустил ни одного сезона. „Разве можно удержаться“ говорит он, „когда помотришь на эту золотистую ниву, к тому же и сама работа по сердцу, „до души“, да и заработаешь за время сезона больше, чем на фабрике“.

Оно и верно. Сколько бы казак не работал на фабрике, он никогда не станет рабочим по своему „нутру“, по своей психологии. Ведь казак рожден совсем не для того, чтобы тянуть лямку фабрично-заводского рабочего. Вот почему в Монтаржи у казаков бывают моменты, когда „они отдыхают душой и телом“ и именно в самый разгар сельско-хозяйственного сезона.

В частной жизни, уже своей чисто-казачьей, казаки живут довольно дружно, организованы в общеказачью станицу, в которую входит до 80 человек. Можно подумать, что и не совсем дружно, но есть факты, которые дают право говорить о том, что казаки живут именно дружно. Раньше в Монтаржи было два хутора, теперь эти хутора слились и образовали одну станицу. Атаманом станицы состоит кубанец Шедогуб (казак станицы Петровской).

О личности Атамана Шедогуба следует сказать несколько слов. Это тихий черноморец, не блещет „ученостью“, но видимо с большим природным умом, очень практичный в жизни, пользуется большой любовью и уважением среди казаков. В разговоре со мной высказал несколько обид, которые были причинены как ему лично, так и казакам со стороны русских организаций. Описывать эти обиды не буду, т. к. это не входит в задачу моей корреспонденции.

Станица, по настоянию Атамана Шедогуба, приобрела библиотеку в 400 томов, которая приводится в порядок и тогда будет доступна для чтения казакам.

В разговоре с казаками подметил грусть по родному краю, один мне сказал: „вот если бы еще дома проводились энергичнее те идеи, которые проводит теперь Вольное Казачество, то оно было бы лучше, а то пришлось усім взонить у колокола, та й поперлись до Москвы“.

Взаимопомощь так же поставлена хорошо, как раз и день моего пребывания там собирали по подписному листу какому то большому казаку. Казаки, за исключением немногих, относятся к журналу В. К. очень хорошо. Один мне прямо сказал: „можно сказать, что противников этому делу нет“. Конечно, противники намеренно есть, но это большей частью такие именно казаки, которые не прочь бы и отказаться от своего казачества. Некоторые и не входят в станицу только потому, что Атаман станицы не „чинный“.

Как и в других местах, так же и в Монтаржи, есть семейные казаки. Большинство обзавелись семьями уже здесь. Кто женился на польке, кто на украинке. Вообще казаки предпочитают брать в жены — славянок; говорят: „не хочу дуже культурной, лучше по проще, вона буде крапца хозяйка“.

7-1-30. Париж.

Еф. Якименко.

Освящение Буддийского храма в Белграде.

(Фотографии любезно предоставлены нашему сотруднику редакции газеты „Политика“ через г. журналиста Николу, исполнены фотографом Ю. Исаконским).

Сербские газеты изобилуют статьями с описанием больших событий, происшедших у казаков-калмыков. Описывается подробно и о храме и, вообще, о жизни калмыков в Югославии. При открытии от прессы присутствовало много журналистов и фотографов. Служили службу: приехавший из Франции бакша Нимбушов и местный бакша Умалдыанов, гелюны: С. Миньков и С. Игнатов. Двенадцатого декабря при официальном открытии присутствовали представители русской и казачьей общности, главным же виновником торжества был Милош Ячимович, подаривший калмыкам землю. Из присутствующих отметим — Терского В. Атамана Г. А. Вдовенко, Е. А. Букановского, ген. Дон-

Буддистский калмыцкий храм в Белграде в день освящения.

ского, ген. Маркова, Н. Д. Дувакина, представителя журнала „В. К.“ — Б. А. Кундюкова, полк. Базаревича, Г. П. Шпилевого, Полеолога и друг. От сербского общества — г. М. Ячимовича, Чедо Ячимовича, г. Крстичи, Николича и друг. Калмыки-же, казаки, во главе со строительной комиссией и съехавшимися своими соотечественниками, тепло приветствовали своих гостей. Казаки-калмыки, проживающие в Чехословакии прислали своего делегата Б. Н. Уланова, из Франции прибыл бакша Нимбушов, приехали калмыки из Парачина, Ясенова (полк. Батырев), из Великой Кикинды и Црелая. Многие оставались во время службы на дворе, так как храм не мог вместить в себя всех присутствующих.

Погода в этот торжественный день открытия Хурула прекрасная, светит солнце и, подходя, вы видите черную массу толпящихся людей; среди них и сербы, и казаки, и русские и калмыки. Калмыки все подпоясаны согласно обряду и их дети и женщины кругом напоминают праздники у нас, в степях, в Сальском округе.

Над дверьми храма „кюрде“ — символ означающий восемь путей избавления от земных страданий для достижения Нирваны, по бокам его олени, первые услышавшие проповедь Будды. Вы входите во внутрь хурула. По середине, свешиваясь с потолка, висит зеркальный шар, также имеющий символическое значение и хоругви и иные священные украшения. Прямо против входа, большая статуя Будды в стеклянном шкафу, имеющего вид усеченной пирамиды. У ее ног, другая статуя, поменьше. По стенам развешены изображения учеников Будды и других святых — Бодисатва. Тут же стоят несколько столиков со священными предметами и направо ложе для священнослужителей, которые, облаченные в шелк, начинают службу, кропя павлиньим пером храм святою водою настоянной на шафране. Во время богослужения гости сыпят на пол розданное зерно. Слушая монотонную, гортанную молитву, то повышающуюся, то понижающуюся, забываешь о том, что ты в Югославии, а не на Дону, в калмыцкой станице. При благоговейном молчании всех присутствующих, Бакша заканчивает службу, а хозяева распорядители приглашают гостей пройти в другие комнаты отведать хлеба и соли.

По выходе из храма в боковую дверь, вы попадаете в комнатку священнослужителей, дальше комната для культурно-просветительных нужд, школа и библиотека. В помещении Храма четыре комнаты и передняя. Радует сердце за наших братьев казаков-калмыков, что они имеют такую свою собственность на вечные времена.

Гостеприимство Калмыков-Казиков.

В небольшой комнате уже накрыты столы. Полковник А. А. Алексеев и доктор Э. Д. Хара-Даван радушно приглашают гостей занять места.

Полк. А. А. Алексеев провозглашает здравицу Королю Югославии и затем говорит о том, какой праздник сегодня у калмыков.

— Быть может это и маленькое дело, что мы здесь в Югославии сделали, но присутствующие понимают, какое великое значение оно имеет для калмыцкого народа. Храм этот не только служит утешением для нас, живущих в Югославии, он дорог для всех калмыков, разбросанных в четырех странах. А первому, кому мы объявляем за эту нашу большую радость — сербу — Милошу Ячимовичу, предлагаем прокричать „живио“ за его дар, и всему Югославянскому народу за приют и помощь, оказанную нам.

Речь прерывается криками: живио! Затем Абуша Апелеевич благодарит жертвователей и всех тех, кто материально или морально пришел на помощь казакам-калмыкам. Он упоминает имена Чедо Ячимовича, Каркела, Тумича, Трифоновича и др.

— Как видите, — продолжает Алексеев, — все приняли посильное участие в нашем деле и я за то вам всем кланяюсь.

Была отправлена благодарность Королю, Живковичу — председателю Правительства, пр. Беличу. За границу — Французскому и Чехословацкому Президентам.

Терский Атаман Г. А. Вловенко — Мы живем в такую эпоху, когда считают, что можно прожить без веры, но мы знаем на примере России, к чему привела ложь безверия, безбожия и грубого насилия. И вот вы воздвигаете в такую эпоху свой храм — вы верны своей религии, верны своему народу, своим старым вековым обычаям. Так позвольте же мне от лица трех Войсковых Атаманов приветствовать вас здесь и поздравить с торжественным днем открытия этого высокого памятника вашей религиозности и вашего Духа.

Бакша Нимбушов говорит речь по калмыцки, полковник Батырев переводит:

— Без храма не может жить никакой народ. Мы говорим, что веруем разное, но Бог ведь один. И мы должны мыслить свои храмы, как и ваши, а вы наши, как и ваши, и относиться с уважением к обрядам чужой веры. Я знаю, что первопричиной, давшей толчок был серб-христианин Милош Ячимович, подаривший для этого землю, и я благодарю его от имени калмыков Франции.